

А.Л.Никифоров

Интерпретация в естественных и гуманитарных науках

1. По-видимому, следует начать с определения понятия интерпретации.

Это понятие используется в самых разных областях и в разных смыслах: прежде всего, об интерпретации говорят как об истолковании текстов; в логической семантике под интерпретацией имеют в виду приписывание значений выражениям формального языка; в философии науки говорят об эмпирической интерпретации научных теорий, имея в виду перевод терминов теории на эмпирический язык; иногда даже чувственное восприятие рассматривают как интерпретацию внешних воздействий. Мы не будем останавливаться на анализе всех этих употреблений данного понятия и просто постулируем: в данном случае «интерпретацией» будем называть приписывание смыслового или предметного содержания чувственному восприятию внешних воздействий.

Придание смысла чувственным восприятиям осуществляется с помощью языка: соединяя с восприятием слово, мы получаем образ предмета, свойства, отношения между предметами и т.п. Вспомним хорошо известные примеры двойственных изображений: налагая на восприятие переплетающихся линий то или иное слово, мы получаем образ то старухи, то молодой девушки; то образ разворота книги, то образ ее корешка, и т.д. Затем слова, используемые для построения чувственного образа, мы употребляем в описании этого образа. Создается иллюзия, что мы сначала получаем некий чувственный образ, а затем выражаем этот образ в языке – описываем его. Однако это не так. Построение чувственного образа и его описание – это единый процесс. Описание не представляет собой чего-то внешнего по отношению к осмысленному чувственному восприятию, оно сплетено с этим чувственным восприятием, оно-то и придает ему смысл. Таким образом, описание является средством конструирования осмысленного чувственного образа и интерпретацией внешних воздействий.

Вообще говоря, со времен Т.Куна и П.Фейерабенда в философии науки все это хорошо известно. Вот что об этом писал, например, Фейерабенд:

«Для начала выясним природу общего феномена: чувственный образ плюс высказывание. Существует не два отдельных акта: один – появление феномена, другой – выражение его с помощью подходящего высказывания, - *а лишь один*: произнесение в определенной ситуации наблюдения высказывания «Луна сопровождает меня» или «камень падает по прямой линии». Конечно, в абстракции мы можем разделить этот процесс на части и даже попытаться создать ситуацию, в которой высказывание и феномен психологически отделены друг от друга и еще должны быть связаны... Однако при обычных обстоятельствах такое разделение не встречается: описание хорошо знакомой ситуации для говорящего является событием, в котором высказывание и феномен неразрывно слиты.

Данное единство, - продолжает Фейерабенд, - представляет собой результат процесса обучения, начинающегося с детства. С первых дней своей жизни мы учимся реагировать на ситуации посредством подходящих реакций – лингвистических или каких-то иных. Эти учебные процедуры и формируют «явление», или «феномен», и обосновывают его прочную связь со словами, так что в конечном счете феномены как бы начинают нам что-то говорить сами, без помощи извне и без участия внешнего знания. Они являются тем, что утверждают о них ассоциированные с ними высказывания».¹ Такие высказывания Фейерабенд называет «естественными интерпретациями».

Приписывание смысла чувственному восприятию с помощью слов и высказываний повседневного языка действительно можно назвать «естественной интерпретацией» восприятия, ибо оно осуществляется посредством естественного языка. Люди, говорящие на одном языке, будут одинаково интерпретировать внешние воздействия, поэтому естественные интерпретации являются общепризнанными. Усваивая в детстве родной язык, человек обучается с его помощью интерпретировать внешние воздействия и строить мир национальной культуры – мир, в котором он живет вместе со своими соотечественниками. Описание чувственно воспринимаемого мира посредством естественного языка представляет собой его общепризнанную интерпретацию.

2. Что же представляет собой описание в естествознании? Философия науки основное внимание обращала на анализ объяснения и предсказания, описание, казалось, не вызывало особых проблем. Р.Карнап начинает свою книгу по философии науки с рассмотрения объяснения и предсказания.² По-видимому, пренебрежение анализом описания в естествознании объясняется тем, что оно практически не отличается от описаний в обыденной жизни. Взглянем, например, на описание одного из опытов Ньютона со светом:

«Опыт 3. Я поместил в очень темной комнате у круглого отверстия, около трети дюйма шириною, в ставне окна стеклянную призму, благодаря чему пучок солнечного света, входившего в это отверстие, мог преломляться вверх к противоположной стене комнаты и образовывал там цветное изображение солнца. Ось призмы (т.е. линия, проходящая через середину призмы от одного конца к другому параллельно ребру преломляющего угла) была в этом и следующих опытах перпендикулярна к падающим лучам. Я вращал медленно призму вокруг этой оси и видел, что преломленный свет на стене или окрашенное изображение солнца сначала поднималось, затем начало опускаться». – Мы легко замечаем, что это описание является результатом наложения слов повседневного языка и некоторых научных терминов на чувственное восприятие. Эти слова и термины придают определенный смысл чувственному восприятию, т.е. придают ему определенную интерпретацию. Эта интерпретация в данном случае зависит

---

¹ Фейерабенд П. Против метода. М., АСТ, 2007, с. 84

² Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. Первая глава носит название: «Значение законов: объяснение и предсказание».

как от смысла слов обыденного языка, используемых для описания, так и от смысла терминов, которым Ньютон дает предварительные определения, например, «угол падения», «угол отражения», «простой, однородный свет и сложный, неоднородный свет» и т.п. Само описание представляет собой интерпретацию чувственного восприятия посредством обыденного и научного языков. Оно также является «естественной» интерпретацией, ибо принимается всеми: любой ученый, согласившийся с определениями некоторых научных понятий Ньютоном и использующий тот же самый разговорный язык, получил бы точно такое же описание.

3. В развитой научной дисциплине обычно происходит разделение эмпирической и теоретической интерпретаций, которые в описании Ньютона еще смешиваются. Например, П.Н.Лебедев, экспериментально доказавший наличие светового давления, освещал лучами света подвес, к которому были прикреплены легкие крылышки, и наблюдал закручивание подвеса. Но это закручивание подвеса он затем интерпретировал как обусловленное давлением света и его теоретическое описание говорит не о закручивании подвеса, а о световом давлении: «...Автор исследует пондеромоторные силы, с которыми белый, красный и голубой свет действует на поглощающие, покрытые платиновой чернью, и отражающие (алюминий, платина, никель и слюда) крылья в высоком вакууме.

Опыты были проведены с тремя различными приборами и с двумя различными калориметрами; они были разбиты на десять независимых групп, и их результаты сводятся к следующему:

1. Падающий пучок световых лучей оказывает давление как на поглощающее, так и на отражающее тело; это пондеромоторное действие не зависит ни от известных вторичных крутковых сил, вызываемых нагреванием, ни от явлений конвекции.

2. Эти силы светового давления прямо пропорциональны падающему количеству энергии и не зависят от цвета световых лучей...».³

Научное сообщество приняло описание Лебедева и его интерпретацию, ибо словарь Лебедева был словарем физики того времени. Его описание также было общепризнанным.

Логические позитивисты в свое время полагали, что наука опирается на некий несомненный эмпирический базис, состоящий из протокольных предложений. Считалось, что эти предложения выражают «чистый» чувственный опыт субъекта. Теперь мы знаем, что пытаясь выразить в языке чувственное восприятие, мы неизбежно интерпретируем его – обобщаем, концептуализируем, придаем ему смысл. Исследования философов науки второй половины XX в. показали, что наши описания фактов всегда «теоретически нагружены», т.е. факт всегда представляет собой интерпретацию чувственного опыта.

Поскольку научное описание в дополнение к терминам естественного языка пользуется все большим числом специальных терминов, обретающих

---

³ Цит. по: Кудрявцев П.С. Курс истории физики. М., 1982, с. 281.

точный смысл в рамках тех или иных теорий, будем называть даваемую им интерпретацию чувственного восприятия не «естественной», а «первичной» интерпретацией. Нам важно здесь подчеркнуть, что первичная интерпретация – как и естественная – пользуется всеобщим признанием в сообществе ученых, принимающих некоторую парадигму. Описание каких-то явлений, данное одним ученым, может быть воспроизведено и получено любым другим ученым, использующим концептуальный аппарат тех же теорий.

В.С.Степин обращает внимание на то, что одна и та же ситуация может получить различные описания в зависимости от того, с помощью каких понятий мы ее интерпретируем. На чувственно воспринимаемый материал мы можем налагать разные эмпирические схемы, которые и задают получаемое описание этого материала. «Эмпирические объекты, - пишет он, - хотя и сопоставляются с реальными предметами опыта, не тождественны последним. Они суть абстракции, существующие только в идеальном плане, как *смысл знаков эмпирического языка науки* (курсив мой – А.Н.). Так, реальная магнитная стрелка и провод с током обладают множеством признаков и свойств, но в рамках эмпирической схемы они представлены только по признакам «быть ориентированной магнитным полем и, соответственно, «проводить ток определенной силы» и «иметь определенную конфигурацию». Все остальные свойства данных объектов исключаются из рассмотрения».⁴ Налагая язык на чувственное восприятие, мы выделяем, «вырезаем» и конструируем интересующие нас объекты опыта.

4. Чем же описания и интерпретации в естествознании отличаются от интерпретаций и описаний в гуманитарных науках? Чтобы понять это, обратимся к описанию историка.

«К лету 1380 года Мамай основательно подготовился к решающей схватке с Москвой. Не надеясь после Вожи⁵ только на собственные силы, он заключил союз с новым великим князем литовским Ягайлой Ольгердовичем. Власть Мамаю признал Олег Иванович Рязанский, видимо, желая избежать нового разгрома своего княжества (в то же время он предупредил Дмитрия Ивановича о выступлении Орды). (Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 311 – 312; Т. 6, с. 90.) В начале кампании, когда Мамай с войском кочевал за Доном, а Дмитрий находился в Коломне, Мамаевы послы привезли требование платить выход как при Джанибеке, «а не по своему dokonчанию. Христолюбивый же князь, не хотя кровопролитья, и хоте ему выход дати по крестьянской силе и по своему dokonчанию, како с ним dokonчал. Он же не въсхоте» (Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 314; Т. 6, с. 92)».⁶

Оставляя в стороне другие важные особенности исторического описания, я хочу здесь обратить внимание на то, что оно содержит слова,

---

⁴ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000, с. 144.

⁵ На реке Воже (в Рязанской области) в 1378 г. Дмитрий Иванович разбил татарское войско, посланное Мамаем для умирения Руси.

⁶ Горский А.А. Москва и Орда. М., Наука, 2003, с. 96.

которых нет и не может быть в естественнонаучном описании: «не надеюсь», «желая», «не хотя» и т.п. Эти слова относятся к мотивам, целям, желаниям людей, действия которых описывает историк. И это обстоятельство существенно изменяет природу описания.

Естествознание и история имеют дело с принципиально разными объектами. Поведение людей, в отличие от поведения природных объектов, неразрывно связано с ненаблюдаемыми психическими состояниями, и описание этого поведения необходимо включает в себя цели, стремления, желания действующих людей. Когда, скажем, Х.К.Эрстед описывает, как ведет себя магнитная стрелка вблизи проводника, по которому пропускают электрический ток, он не включает в свое описание терминов типа «хочет», «стремится» и т.п. Он просто говорит о том, что магнитная стрелка отклоняется, когда по проводнику течет ток, железные опилки притягиваются к проводнику с током и т.п. Стрелка и опилки ведут себя так вовсе не потому, что они «хотят» или «желают» приблизиться к проводнику или что электрический ток им «нравится». Их поведением управляют законы природы. Поведение же людей обусловлено не законами природы, а их целями и стремлениями, которые мы должны включить в описание наблюдаемого поведения.

Но это означает, что описание поведения людей включает в себя не одну, а две интерпретации, - именно это коренным образом отличает естественнонаучное описание от описания в гуманитарных науках. Если в естествознании интерпретация представляет собой наложение терминов естественного и научного языка на чувственное восприятие, то в гуманитарных науках на эту – *первичную* – интерпретацию налагается еще одна – *вторичная* – интерпретация намерений действующих субъектов. Скажем, мы хотим описать наблюдаемое поведение некоторого человека. Сначала с помощью слов обыденного языка и, возможно, общепризнанных научных терминов мы даем первичную интерпретацию чувственного впечатления: человек наклонил голову, прижал правую руку к груди, слегка согнул корпус. Затем мы добавляем к этому еще одну интерпретацию, относящуюся к его целям и намерениям, и получаем описание поведения: человек поклонился в знак благодарности, в знак согласия, признания вины или просто испытал сердечный приступ. В общественных науках важна именно вторичная интерпретация. Вот как об этом говорит современный историк:

«Нам зачастую кажется, что мы изучаем объективную реальность – то, что «на самом деле происходило в прошлом». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что «на самом деле» нас интересует вовсе не собственно объективная реальность – точнее, не то, что за этими словами представляется обыденному мышлению. Скажем, вряд ли нас волнует тот факт, что однажды, около 227 000 средних солнечных суток назад, приблизительно на пересечении 54-го градуса с.ш. и 38 градуса в.д. на сравнительно небольшом участке земли (ок. 9,5 кв. км), ограниченном с двух сторон реками, собралось несколько тысяч представителей биологического

вида *homo sapiens*, которые в течение нескольких часов при помощи различных приспособлений уничтожали друг друга. Затем оставшиеся в живых разошлись: одна группа отправилась на юг, а другая на север... Между тем именно это и происходило по большому счету, на «самом деле», объективно на Куликовом поле. Нет, нас интересует совсем иное. Гораздо важнее, кем себя считали эти самые «представители», как они представляли свои сообщества, из-за чего и почему они пытались истребить друг друга, как они оценивали результаты происшедшего акта самоуничтожения и т.п. вопросы. Так что нас скорее волнует то, что происходило в их головах, а не то, что происходило «на самом деле»...».⁷ Здесь автор очень ясно говорит о том, что на первичную (естественнонаучную) интерпретацию должна быть наложена вторичная (историческая) интерпретация, для того чтобы мы получили историческое описание некоторого события.

5. Существует принципиальная разница между первичными и вторичными интерпретациями. Первичные интерпретации, с которыми имеет дело естествознание, являются общепризнанными и поэтому кажутся естественными. Конечно, встречаются эпизоды в истории науки, когда конкурируют две теории и сторонники разных теорий интерпретируют результаты экспериментов и факты по-разному. Однако, как правило, с течением времени одна из этих теорий становится парадигмальной и единство в описаниях восстанавливается. Интерпретация фактов изменяется и в результате смены парадигмальных теорий: новая парадигма приносит с собой новые термины и часто изменяет смысловое содержание старых понятий. Налагая на чувственное восприятие новый язык, мы придаем фактам новый смысл. В одной из своих работ Т.Кун обращает внимание на то, как изменилось смысловое и предметное содержание слова «планета» при переходе к коперниканской системе мира: под планетой стали понимать тело, вращающееся не вокруг Земли, а вокруг Солнца; из числа планет были исключены Луна и Солнце, а Земля, напротив, стала планетой. Однако это изменение было принято всем научным сообществом, поэтому первичная интерпретация сохранила свою общепризнанность.

С вторичными интерпретациями дело обстоит иначе. Взглянем на описание историком знаменитого покаяния Генриха IV в Каноссе:

«Вдруг Генрих является в Каноссу. Удивленный Григорий отказывается принять его. Какие условия хотел он поставить Генриху? Если оба главных летописца, Бертольд из Рейхенау и Ламберт из Герсфельда, по этому вопросу расходятся, то, по крайней мере, в одном пункте они согласны: в течение трех дней, с 25 по 27 января, король принужден был босиком и не принимая пищи ожидать в снегу перед оградой, чтобы Григорий смилостивился и простил его. Наконец, на четвертый день, папа допустил его к себе и снял с него отлучение...».⁸ – Мы видим, что даже летописцы, т.е. тот источник, из которого историк черпает свои сведения о прошлом, согласны только в

---

⁷ Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.). М., Аспект-Пресс, 2001, с. 5 – 6.

⁸ Эпоха крестовых походов. Под ред. Э.Лависса и А.Рэмбо. Смоленск, 2002, с. 94.

одном пункте: король в течение трех дней стоял босиком на снегу перед оградой замка, но ворота перед ним открылись только на четвертый день. Иначе говоря, они согласны только в отношении первичной, так сказать, «естественнонаучной», интерпретации наблюдаемого положения дел. Но в остальном, т.е. во вторичных интерпретациях, даже летописцы расходятся, а уж историки тем более могут расходиться. Чего Григорий хотел от короля? Зачем Генрих приехал в Каноссу? Какие цели он преследовал? Было ли его раскаяние искренним или он лишь притворялся? Цели и намерения папы и Генриха, определявшие их наблюдаемое поведение, не видны постороннему наблюдателю, поэтому каждый из них реконструирует эти цели и замыслы, опираясь на свои собственные представления о характере папы и короля, на свое понимание взаимоотношений светской и церковной власти, на свои политические предпочтения. Поэтому вторичные интерпретации социальных фактов, следовательно, их описания могут далеко расходиться как у очевидцев, так и у историков.

6. Источником различий вторичных интерпретаций является сама природа человеческой деятельности и поведения.

Нет однозначной связи между целью и средствами ее достижения: к одной и той же цели можно идти разными путями. Точно так же нет однозначной связи между мотивами и действиями: одна и та же наблюдаемая физическая активность может побуждаться и сопровождаться разными мотивами. Мы видим, например: идут по улице люди. Все мы приблизительно одинаково переставляем ноги при ходьбе, и хотя походка у каждого своя, наши телодвижения можно интерпретировать и описать одним словом «идет». Каждый человек, владеющий русским языком, именно так и опишет действия шагающего человека. Он не будет говорить: человек слегка приподнимает правую ногу, выносит ее вперед, опускает, затем сгибает левую ногу и т.д. Нет, всю видимую совокупность движений он интерпретирует и описывает одним словом, придавая этой совокупности движений определенный смысл. Однако мотив, интенция, цель, побуждающая нас двигаться, у разных людей разные: один идет на работу, другой – на свидание, третий – на вечеринку и т.д. И вот здесь начинаются расхождения: один наблюдатель припишет объекту наблюдения одну интенцию, а другой наблюдатель может приписать совсем иную: «спешит на свидание», «тащится на работу», «шагает на митинг». Описания, включающие вторичные интенции, очень часто не совпадают, они не являются общепризнанными – в отличие от первичных интерпретаций.

Но историк, как мы видели, не может обойтись без вторичных интерпретаций, т.е. без приписывания действующим субъектам каких-то мотивов или целей. Эти вторичные интерпретации определяются индивидуальными особенностями мировоззрения самого историка. И если два историка руководствуются разными ценностными установками, различными идеологическими, политическими и прочими взглядами, то они создадут далеко расходящиеся описания одних и тех же исторических событий и личностей. Причем дело не только в том, что они могут приписать

разные мотивы своим героям. Идеология историка, его вкусы и предпочтения существенно повлияют на выбор заслуживающих упоминания фактов, на оценку значимости этих фактов, на установление связей между фактами и т.д. В итоге каждый историк создает свое собственное описание прошлых событий, создает свою собственную историю. Конечно, эти разные описания будут до некоторой степени совпадать на уровне первичных интерпретаций: Цезарь был убит в Сенате; Генрих ходил в Каноссу; татары и русские действительно резали и кололи друг друга на Куликовом поле. Однако вторичные интерпретации и соответствующие описания совпадать не могут.

Итак:

1. Любое описание наблюдаемого положения дел представляет собой его интерпретацию, т.е. приписывание смысла чувственному восприятию.

2. Первичная интерпретация осуществляется с помощью обыденного языка, она является общей для всех носителей данного языка и поэтому кажется естественной.

3. Естественнонаучная интерпретация фактов осуществляется посредством общепринятого научного языка, она является общей для всех членов научного сообщества и в этом смысле она похожа на естественную интерпретацию.

4. Описание в гуманитарных науках включает в себя вторичную интерпретацию – приписывание действующим субъектам тех или иных намерений и целей. Эта интерпретация существенно зависит от индивидуальных особенностей ученого. Поэтому в гуманитарных науках разброс интерпретаций является неизбежным.